

ставленій у отдѣльныхъ народовъ. Подробнѣе студенты знакомились съ философіей Шеллинга на лекціяхъ П. М. Леонтьева, специально посвященныхъ этому предмету; въ исторіи же Востока Кудрявцева философская подкладка служила имъ той руководящей нитью, при помощи которой они выбирались изъ лабиринта фактовъ и впервые усваивали себѣ пониманіе *историческаго развитія*.

Занятый въ 1855—6 году на первомъ курсѣ повтореніемъ исторіи Востока, Кудрявцевъ, однако, не хотѣлъ разстаться съ своими прежними слушателями и читалъ имъ, какъ продолженіе исторіи Востока, дополнительный двухчасовой курсъ о героическомъ періодѣ въ исторіи Греціи, держась предѣловъ Дункера, т. е. доводя эту исторію до начала персидскихъ войнъ. Въ началѣ этого учебнаго года скончался Т. Н. Грановскій, и всѣ надежды студентовъ были сосредоточены на одномъ Кудрявцевѣ. Между тѣмъ былъ заключенъ парижскій миръ; двери Россіи, долгое время строго охраняемыя, снова широко раскрылись въ западную Европу; состояніе здоровья П. Н. требовало отдыха, занятія его нуждались въ освѣженіи у самаго источника изучаемой имъ науки и въ досугѣ для докторской диссертациі—и онъ взялъ годовой отпускъ за границу на 1856—7 академическій годъ. Извѣстіе это очень огорчило студентовъ; они лишились преподавателя, лекціями котораго очень дорожили, и разставались съ человѣкомъ, съ которымъ у нихъ образовалась душевная связь. Желая выразить эти чувства, они задумали дать П. Н. прощальный обѣдъ. Подобное проявленіе самостоятельности со стороны студентовъ было дѣломъ необычнымъ и потому смѣлымъ; студенты только-что избавились отъ маршировки на дворѣ университета и отъ лекцій фортификаціи, которыя читалъ назначенный для этого полковникъ въ большой залѣ новаго университета. Поэтому участниковъ въ обѣдѣ набралось не очень много, человѣкъ около 25. Даже студенты 4-го курса, привыкшіе къ болѣе формальнымъ отношеніямъ къ профессорамъ, уклонились отъ участія въ обѣдѣ. Затрудненіе заключалось, впрочемъ, не столько въ томъ, чтобы побѣдить безучастіе товарищей, сколько въ приглашеніи профессоровъ. Кромѣ самого Кудрявцева, студенты желали пригласить и ближайшихъ его друзей, П. М. Леонтьева и С. М. Соловьева. Съ первымъ изъ нихъ многіе студенты облизались еще на первомъ курсѣ, но Соловьева они мало знали; онъ начиналъ читать съ 3-го курса, состоялъ деканомъ и казался строгимъ блюстителемъ формальныхъ отношеній. Студенты долго совѣщались, кому изъ нихъ подойти къ Соловьеву, который могъ не только отказаться прійхать, но и запретить самый обѣдъ, въ виду лежащей на де-